

Фабрика смерти в Собибуре

Польшу немцы превратили в огромный застенок, где после неисчислимых мучений погибли миллионы людей всех стран Европы.

Советские люди знают уже о Люблинском лагере уничтожения. Мы видели там печи с человеческими останками, результаты раскопок, показавших, что земля под лагерем наполнена костями, видели огороды, удобренные человеческим пеплом, склад обуви погибших — сотни тысяч детских, женских, мужских ботинок. Быть может, эти печи, этот склад обуви будут сохранены на века, как музей, рассказывающий о самой черной странице в истории человечества, как страшный памятник скотского человекоуничижения немцев.

Но Люблинский лагерь — не единственный. Фабрики массового истребления людей были еще в Собибуре, Тремблинге, Белжице, Освенциме и под Холмом.

Мы повидали в Холме несколько уцелевших узников Собибура. Они рассказали нам обо всем, что видели, что пережили за колючей проволокой немецкого концлагеря на станции Собибур, Люблинское воеводство. Вот сокращенный рассказ юноши из Варшавы — В. Фрайберга.

Конвейер истребления

«Меня пригнали в Собибур в мае 1942 года. Лагерь начал функционировать 15 мая 1942 года.

Как был устроен Собибур? Вещ он занимал огромную площадь и делился на три лагеря. В первом лагере находились различные мастерские, здесь ремесленники — заключенные выполняли заказы немцев — шили обувь, платья, делали мебель. Между первым и вторым лагерями было сообщение. Меня оставили работать во втором лагере, где помещались магазины и склады. В нашем лагере работало мужчин и 80 женщин. Когда привозили партию людей, немцы выстраивали их на площади нашего лагеря и предлагали раздеваться, чтобы пройти баню. Oberшарфюрер Михель говорил:

— Вы едете на Украину работать. Сейчас надо пройти баню, а потом поедете дальше. Вещи можете оставить, через полчаса возьмете их обратно.

Люди раздевались, чтобы идти в баню. Для женщин построено было три барака. В первом они снимали обувь, во втором — одежду, в третьем им стригли волосы. Стригли женщин человек 20 ребят-парикмахеров. Стригли ножницами, а волосы складывали в мешки. Немцы говорили женщинам, что стригут их для чистоты. Волосы потом отправляли в Германию на какие-то фабрики.

Голых людей немцы били нагайками, резиновыми дубинками, прикладами и гнали по аллее в третий лагерь.

Вход в третий лагерь нам, заключенным первых двух лагерей, был строго запрещен. Но мы знали, что делается там. Никто из входивших туда уже больше никогда не возвращался обратно. Там стояло черепичное здание, в котором имелась пара железных ворот. Oberшарфюрер Гетунгер всегда стоял у этих ворот и следил за порядком. Когда человек 800 входило в помещение, двери плотно закрывались.

В пристройке работала электрическая машина, нагнетав-

Лагерь в Собибуре — одна из фабрик смерти, организованных немцами на территории Польши. Жители польского села Жлобюк-2: Андрей Слехик, Гавриил Макарук, Стефан Бубенин, Антон Степанюк, Леон Грушно, Алексей Копалевский, Кузьма Топшек в своем письме командованию Красной Армии пишут, что жители соседних с Собибуром сел хорошо знали о порядках в этом страшном концентрационном лагере. В душегубке лагеря, пишут они, ежедневно уничтожалось более 1.000 людей различных национальностей. Для местного населения немцы называли этот лагерь «фабрикой пуговиц», «фабрикой ниток». После восстания в лагере эта фабрика смерти немцами уничтожена. В публикуемой корреспонденции, на основании рассказов бежавших из лагеря, дана общая картина гитлеровских преступлений в Собибуре.

шая в помещение удушающий газ. Обычно через 15 минут все находившиеся в помещении погибали. Окна здания не имело. Только сверху было стеклянное окошечко, и немец, которого называли в лагере банщиком, следил через него, закончен ли процесс удушения. По его сигналу поступление газа прекращалось, пол в помещении механически раскрывался и трупы падали вниз. В подвале находились вагонетки, и несколько десятков человек складывали на них трупы. Вагонетки вывозились из подвала в лес третьего лагеря. Там был вырыт огромный ров. Трупы в него сбрасывались слоями и засыпались землей. Тут же немцы расстреливали людей, которые вывозили трупы из подвала.

Ежедневно в Собибур прибывало 8—10 эшелонов, в каждом было 800—1000 человек. Но количество заключенных в лагере не увеличивалось. Всех прибывающих раздевали и гнали в третий лагерь.

В конце 1942 года в третьем лагере стали сжигать трупы. Были сложены рельсы, под которыми горели костры. Немцы привезли специальную землекопную машину, которая раскапывала громадный могильный ров и сбрасывала кучи трупов на рельсы. Каждый день сжигались тысячи трупов. Костры горели днем и ночью. Запах был такой, что ни есть, ни дышать не было возможности. Трупы, вывозимые из подвала кирпичного здания, уже не закапывались, а сразу сжигались. К рельсам были приделаны приспособления для сбора человеческого

жира. У печей работала специальная команда, составленная из 150 заключенных. Пепел они собирали в мешки и отправляли, как удобрение, в Германию. Человеческий жир собирали, упаковывали в бочки и также отправляли в Германию. Немцы говорили, что из него получается хорошее мыло. В третьем лагере была также построена мельница, на которой перемалывались человеческие кости.

Я слышал однажды дикие крики из третьего лагеря, а потом узнал, что это немцы живьем бросали в огонь женщин и детей.

Я был в Собибуре 17 месяцев и в октябре 1943 года, когда произошло восстание, бежал вместе с другими заключенными.

У юноши, который рассказывал все это, старческие усталые глаза. Он видел слишком много страдания, чтобы оставаться молодым. Кажется, что буквы, написанные его рукой, готовы зашевелиться от ужаса, готовы закричать.

Полтора года день и ночь работала фабрика смерти в Собибуре. Грохотали составы по рельсам железных дорог Европы. Они везли в Собибур сотни тысяч живых людей. Здесь были старухи с вьюками на руках и молодые девушки. Здесь были пленные солдаты и седые люди науки, подростки.

Восстание в лагере

Бежать из Собибура было трудно. Лагерь был обнесен колючей проволокой в три ряда. Над проволокой поднима-

лись дозорные вышки. За проволокой — глубокий ров шириной в 3 метра. Потом шли заминированные поля. И все же попыток побега было много. В июне 1943 года голландский журналист организовал побег 72 заключенных. Почти всех их немцы поймали и убили. Заключенные, которые работали у адских печей, чтобы уйти из лагеря, стали делать подкоп под землей. Они прорыли уже тоннель в 30 метров, но немцы выследили загворщиков, и oberшарфюрер Нейман лично расстрелял их.

Бывали бунты, неизменно заканчивавшиеся истреблением всех участников. Но настоящее большое восстание сумели подготовить и поднять советские люди, как только они оказались в числе заключенных, работавших в лагере смерти.

Столяр из Люблина Х. Поворозник рассказывает:

«В августе 1943 года к нам в Собибур пригнали из Минска 600 военнопленных офицеров и бойцов Красной Армии. 80 человек из них немцы отделили и оставили работать, остальных удушили и сожгли. В числе оставшихся в живых был молодой политрук. Фамилии его никто из нас не знает, звали мы его Сашко, родом он из Ростова. С первых дней своего пребывания в лагере он задумал и стал готовить восстание и массовый побег. Сашко очень осторожно подбирал участников заговора. План его состоял в том, чтобы в один момент порвать в лагере связь и сигнализацию, убить немец-охранников и вырваться всем из заключения. В кузнице тайно по ночам делали мы ножи и

небольшие топоры, которые удобно было прятать.

Восстание было назначено на 14 октября 1943 года. В лагере № 1 многие из мастеровых назначили на заранее установленный час — 5 часов вечера — примерку своим клиентам-немцам. В этот час заключенные порвали линию связи лагеря. Когда начальник команды охраны oberшарфюрер Грейхут пришел к сапожнику, тот его здесь же в дверях убил топором. Охранника Клятта убили также в сапожной мастерской. Портной во время примерки стукнул немца топором по голове, а труп его спрятал под кровать. То же самое происходило и во втором лагере. Унтершарфюрера Вельфа и его брата убили в складе одежды. Унтершарфюрер Бекман отстреливался, но его убил Генрих Энгель, молодой человек из Лодзи.

Заключенные пустили в дело оружие, захваченное у убитых немцев, стреляли в часовых на вышках.

Сашко научил безоружных людей браться в карманы пещок, чтобы бросать его в глаза немцам. Слепленных палачей добивали камнями и палками. Мы перебили всех немцев, которых удалось найти, и устремились к оградке. Колючую проволоку быстро разорвали, чем попало, рывто же преодолели без труда, но потом очень многие погибли на минах. Тогда мы стали таскать из лагеря доски и прокладывать путь через минное поле. Всего живыми ушло человек 400. В лесу Сашко приказал нам разделиться на мелкие группы и пробиваться к партизанам. Немцы устроили охоту за нами, даже самолеты обстреливали лес. Собибураев осталось в живых немного. Большинство из нас до прихода Красной Армии находилось в партизанских отрядах, все были немцев. Где сейчас наш Сашко и жив ли он, — я не знаю».

Палачи не заметут

следов

Восстание и массовое бегство заключенных Собибура смутали все людоедские планы гитлеровцев. По замыслу немцев все узники должны были быть уничтожены до одного человека. После восстания, опасаясь, что их злодеяния будут разглашены, немцы сожгли бараки Собибура, взорвали каменную душегубку, завалили рвы землей и засадили соснами-саженцами территорию фабрики смерти, где поггло по подсчетам самих заключенных около двух миллионов людей.

Палачи тщательно заметали следы своей беспримерной подлости. Но остались живые свидетели, люди, ушедшие от смерти, чтобы рассказать миру страшную правду о Собибуре. Они назовут судьям фамилии палачей. Они поведут судей на место фабрики смерти и под слоем насыпанного немцами песка отыщут обугленную землю, камни, пропитанные газом, муку из человеческих костей. В освобожденной от фашистской нечисти Европе составлены будут списки людей, которых немцы угнали в Польшу и уничтожили здесь. В судный день народы мира предъявят немцам эти списки. Этот день недалек! Ты заплатишь черной своей кровью, подлая страна, за страшные муки, причиненные всему человечеству!

Майор А. РУТМАН.
Гвардии старший лейтенант
С. КРАСИЛЬЦИН.

